

Информация об авторе

В.П. Джисоева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Республика Южная Осетия, Цхинвал, ул. Путина, 8.

Information about the author

V.P. Dzhisoeva – Ph.D. in Philology, Associate professor of English Language Department. Putin st. 8, Tskhinval, the Republic of South Ossetia.

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 22.03.2026.

The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 14.03.2026; accepted for publication 22.03.2026.

Научная статья

УДК 81.27

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-167-173

РАЗЛИЧИЕ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В КИТАЙСКИХ И РУССКИХ ФИТОНИМАХ

Вэнь Фэйфэй

Государственный институт русского языка им. Пушкина, Москва, Россия,
2462347825@qq.com

Аннотация. Сопоставляется религиозно-культурная семантика названий растений в китайской медицинской классике и русской народной традиции. Анализируются способы языковой репрезентации религиозных представлений в фитонимах в разных религиозно-культурных контекстах, а также анализируются когнитивные метафорические модели и особенности языковой картины мира, лежащие в основе данной номинации. В ходе исследования выявлены ключевые различия в способах представления религиозных концепций в китайских и русских фитонимах. Эти различия отражают особенности мышления и культурных ценностей обеих традиций, что способствует более глубокому пониманию взаимодействия религии, культуры и языка.

Ключевые слова: китайские фитонимы, русские фитонимы, языковая репрезентация, религиознокультурные представления

Для цитирования: Вэнь Фэйфэй. Различие языковой репрезентации религиозно-культурных представлений в китайских и русских фитонимах // Научная мысль Кавказа. 2026. № 1. С. 167–173.

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-167-173

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

THE DIFFERENCE IN LINGUISTIC REPRESENTATION OF RELIGIOUS AND CULTURAL CONCEPTIONS IN CHINESE AND RUSSIAN PHYTONYMS

Wen Feifei

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia,
2462347825@qq.com

Abstract. The religious-cultural semantics of plant names in Chinese medical classics and Russian folk tradition are compared. The study analyzes the ways in which religious concepts are linguistically

© Вэнь Фэйфэй, 2026

represented in phytonyms across different religious-cultural contexts, as well as the cognitive metaphorical models and features of the linguistic picture of the world that underlie these nominations. The research identifies key differences in the representation of religious concepts in Chinese and Russian phytonyms. These differences reflect the distinctive ways of thinking and cultural values in both traditions, contributing to a deeper understanding of the interaction between religion, culture, and language.

Keywords: Chinese phytonyms, Russian phytonyms, linguistic representation, religious and cultural conceptions

For citation: Wen Feifei. The Difference in Linguistic Representation of Religious and Cultural Conceptions in Chinese and Russian Phytonyms. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2026. No. 1. P. 167–173. (*In Russ.*)

doi: 10.18522/2072-0181-2026-125-167-173

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Original article

В контексте инициативы «Один пояс – один путь» межкультурные сопоставительные исследования становятся важным научным инструментом, способствующим диалогу цивилизаций. Названия растений как относительно устойчивая лексическая категория представляют собой ценный материал для такого рода анализа. Помимо номинативной функции, они фиксируют результаты культурной интерпретации природы, отражают особенности этнического мировосприятия и аккумулируют значимые для данного сообщества ценностные представления. Особый интерес в этом плане представляют фитонимы, обладающие религиозно-культурной сопутствующей семантикой, поскольку именно в них наиболее отчетливо проявляется связь между языком, мышлением и духовной культурой народа. Их изучение позволяет выявить, каким образом религиозные представления, мифологические образы и сакральные символы закрепляются в языковой картине мира и участвуют в формировании наименований природных объектов.

В китайской традиционной культуре медицинские каноны, такие как «Шэньнун бэньцао цзин» (Классика фармакологии Шэньнунна) [1] и «Бэньцао ганму» (Компендиум лекарственных веществ) [2], сохраняют значительное количество фитонимов, в семантике которых отражены даосские и буддийские представления. В русской народной традиции, в свою очередь, широко представлены названия растений, мотивированные православно-христианскими образами и элементами славянских дохристианских верований. Несмотря на различие религиозно-философских оснований китайской и русской культур, обе традиции демонстрируют устойчивую связь между сакральной сферой, природой

и человеком, что находит выражение в механизмах языковой номинации. Вместе с тем существующие исследования (например: Ли Чуньлань [3]; Т.Н. Бурмистрова [4]), как правило, ограничиваются рамками одной лингвокультуры и не дают системного сопоставительного описания религиозно-культурной сопутствующей семантики китайских и русских фитонимов. В связи с этим актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления различий в языковой репрезентации религиозных представлений в китайских и русских названиях растений, а также анализа стоящих за ними когнитивных и лингвокультурных механизмов. Такое сопоставление важно не только для дальнейшего развития лингвокультурологии и когнитивной семантики, но и для более глубокого понимания национально-специфических моделей осмысления природы в китайской и русской языковых картинах мира.

Теоретическую основу исследования составляют научные положения о языковой картине мира и теории когнитивной метафоры. Согласно теории языковой картины мира, язык выступает не только средством номинации и коммуникации, но и формой осмысления и конструирования действительности, в которой закрепляются коллективные представления о природе, обществе и человеке [5–7]. Названия растений как важный компонент лексической системы отражают культурные модели взаимодействия человека с природной средой, включая представления о сакральном.

Теория когнитивной метафоры объясняет механизмы языковой репрезентации абстрактных понятий [8]. Религиозные и сакральные представления, обладающие высокой степенью абстрактности, как правило, осмысливаются посредством проекции признаков из конкрет-

ных сфер опыта, таких как форма растений, их лечебные свойства и условия произрастания. В результате такого метафорического переноса религиозно-культурная семантика закрепляется в фитонимической номинации.

Фактический материал статьи составляют китайские и русские фитонимы с религиозно-культурной сопутствующей семантикой. Китайская часть материала представлена названиями растений, зафиксированными в китайской медицинской классике, прежде всего в «Шэньнун бэньцао цзин» и «Бэньцао ганму», а также в словарных и исследовательских источниках по китайской фитонимии. Русская часть включает народные названия растений, отражённые в словарях народной ботанической лексики, этнолингвистических и мифологических трудах. Отбор материала является целенаправленным: в исследование включены только те единицы, в которых религиозные представления проявляются в семантике, внутренней форме или культурной мотивации названия.

В методологическом отношении в работе применяется сопоставительный анализ, ориентированный на семантический и когнитивный уровни исследования, с целью выявления различий в способах языковой репрезентации религиозных представлений в китайской и русской традициях.

Религиозно-культурная сопутствующая семантика в названиях растений китайской медицинской классики.

Рассматриваемая группа включает в себя две подгруппы.

Отражение даосской культуры в номинации лекарственных растений.

Даосизм, сформировавшийся на основе древнекитайского культа природы и духов, оказал глубокое влияние на традиционную китайскую медицину. Центральные идеи даосской философии – «道法自然» (*dào fǎ zì rán*, букв. «следование естественному пути») и «天人合一» (*tiān rén hé yī*, букв. «единство Неба и человека») – получили системное отражение в номинации лекарственных растений [9].

К первой подгруппе относятся фитонимы, включающие компоненты «鬼» (*guǐ*, букв. «дух», «призрак») и «精» (*jīng*, букв. «эссенция», «жизненная сущность»). Согласно толкованию, представленному в «Современном словаре китайского языка» Инь Чжифу, иероглиф «鬼» (*guǐ*, букв. «дух», «призрак») обозначает «дух умершего человека», поскольку в народно-суеверных представлениях считается, что после смерти душа не

исчезает [10, с. 3179]. К фитонимам с компонентом «鬼» (*guǐ*, букв. «дух», «призрак») относятся: 鬼盖 (*guǐ gài*, букв. «покров духа»); 鬼督邮 (*guǐ dūyóu*, букв. «вестник духов»); 鬼箭 (*guǐ jiàn*, букв. «стрела духа»); 鬼针草 (*guǐ zhēn cǎo*, букв. «трава призракной иглы») [3, с. 41]. Компонент «精» (*jīng*, букв. «эссенция», «жизненная сущность»), в свою очередь, соотносится с представлением об энергии инь-янь и первооснове жизненной силы. В традиционном мировоззрении предполагается, что все сущее рождается благодаря «восприятию жизненной эссенции Неба и Земли» и «усвоению чистой энергии Солнца и Луны» [10, с. 2987]. В эту подгруппу входят такие наименования, как 黄精 (*huáng jīng*, букв. «жёлтая эссенция»); 地精 (*dì jīng*, букв. «земная эссенция»); 谷精草 (*gǔ jīng cǎo*, букв. «трава злаковой эссенции»); и др [3, с. 41]. При этом 黄精 (*huáng jīng*) и 地精 (*dì jīng*) рассматриваются как ценные лекарственные средства, обладающие выраженным укрепляющим эффектом. В «Бэньцао ганму» отмечается: «Хуан Цзин (黄精, *huáng jīng*, букв. «жёлтая эссенция») является важным лекарством для приема внутрь; в даосской традиции его относят к растениям типа “芝草” (*zhī cǎo*, букв. «чудесная трава»), поскольку оно вобрало чистую эссенцию земли, поэтому и называется “黄精” (*huáng jīng*, букв. «жёлтая эссенция»)» [2]. Кроме того, 地精 (*dì jīng*, букв. «земная эссенция») выступает в качестве одного из наименований женьшеня; в старинных источниках указывается, что он «укрепляет пять внутренних органов, успокаивает дух, стабилизирует душу и устраняет злую энергию» [3, с. 41]. Таким образом, данные фитонимы демонстрируют, что религиозно-культурная семантика в номинации не существует изолированно: напротив, она связывается с представлениями о лечебных свойствах растений, отражая характерный для традиционной медицины механизм соотношения сакральной символики и прагматической функции.

Ко второй подгруппе относятся названия, заимствующие образы даосских божеств и их атрибутов, например: 西王母簪 (*Xī Wángmǔ zān*, букв. «шпилька Западной Владычицы-Матери»); 王母珠 (*Wángmǔ zhū*, букв. «жемчужина Матери-Владычицы»); 仙女蒿 (*xiānnǚ hāo*, букв. «полынь небесной девы»); 天王铁塔草 (*Tiānwáng tiě tǎ cǎo*, букв. «трава железной пагоды Небесного Владыки») [3, с. 41]. Через данные образы растения наделяются символикой долголетия, защиты и благословения.

Кроме того, ряд фитонимов формируется на основе специализированных даосских понятий, таких как 长生 (chángshēng, букв. «долгая жизнь», «долголетие») и 不死 (bùsǐ cǎo, букв. «бессмертие»). Так, компонент 长生 (chángshēng, букв. «долгая жизнь», «долголетие») обозначает «длительное существование, продолжительную жизнь» [10, с. 2337]. К данной группе относятся, например, фитонимы 长生草 (chángshēng cǎo, букв. «трава долголетия») и 不死草 (bùsǐ cǎo, букв. «трава бессмертия»). Подобная номинация отражает ценностную установку даосской культуры на продление жизни, а также её представления о духовно-телесной самосовершенствующей практике и достижении гармоничного состояния человека.

В целом даосская религиозная семантика реализуется не в форме развернутого нарратива, а посредством философских концептов и символических компонентов, формирующих системную модель религиозного кодирования.

Отражение буддийской культуры в номинации лекарственных растений.

Буддизм после проникновения в Китай постепенно интегрировался в местную культурную традицию, оказав значительное влияние на лексику, в том числе на сферу фитонимии. Буддийские термины, многие из которых в основе содержат религиозные образы, активно используются при номинации лекарственных растений [11].

Например, буддийская образность может непосредственно входить в состав фитонимов. Так, название 观音莲 (*Guānyīn lián*, букв. «лотос Гуаньинь») мотивировано иконографическим образом бодхисаттвы Гуаньинь. В «Бэньцао ганму» отмечается: «у цветка есть пестик, он вытягивается в колосовидную форму, напоминающую образ Гуаньинь в круге сияния; поэтому в народе его называют *Guānyīn lián*» [2, с. 148]. Кроме того, в фитонимии встречаются заимствования, возникшие в результате фонетической транскрипции буддийских (санскритских) терминов, которые со временем закрепились в качестве наименований растений, например: 曼陀罗 (*màntuóluó*, санскр. *Mandāra*, букв. «мандала»); 优曇钵罗 (*yōutánbóluó*, санскр. *Udumbara*, букв. «удумбара»); 菩提 (树) (*pútí (shù)*, санскр. *Bodhi*, букв. «дерево бодхи», «дерево просветления»); и др. [3, с. 42].

Буддийский компонент в фитонимической номинации проявляется не только в форме повествовательной (нарративной) мотивации, но и формирует относительно устойчивую метафори-

ческую систему. В рамках данной системы многие высокоабстрактные ценностные представления соотносятся с лекарственными свойствами растений и их функциями в традиционной медицине. Показательным примером является образ лотоса (кит., 莲花, *liánhuā*): благодаря особенностям произрастания («вырастает из ила, оставаясь незапятнанным») он в буддийском контексте символизирует идею «清淨» (*qīng jìng*), т.е. выход из мирской «скверны» и движение к просветлению и нирване. Одновременно в китайской медицинской практике лотос используется как средство с охлаждающим и детоксикационным действием, применяемое при состояниях внутреннего жара и воспалительных процессах. Таким образом, его лечебная функция в определённой мере коррелирует с буддийским понятием «清淨» (*qīng jìng*), подразумевающим удаление от страстей и достижение внутренней ясности [3, с.44]. Подобная связь демонстрирует характерный для традиционной китайской медицины принцип «取象比类» (*qǔ xiàng bǐ lèi*), согласно которому смысл и знание конструируются через наблюдение образа и последующее аналогическое сопоставление, обеспечивающее когнитивное моделирование действительности.

Религиозно-культурная сопутствующая семантика в названиях растений русской народной традиции

В отличие от китайской медицинской классики, в которой религиозная философия преимущественно имплицитно встроена в номинацию посредством метафорических механизмов, в русской народной традиции фитонимия в большей степени ориентирована на прямую, нарративную репрезентацию религиозно-культурной сопутствующей семантики. Названия растений нередко непосредственно включают имена религиозных персонажей, сакральные события или обозначения сверхъестественных сил, в результате чего растение предстает как конкретное воплощение религиозного сюжета в природном мире [4].

В эту группу входят три подгруппы.

Фитонимы, мотивированные системой христианских святых.

Наиболее ярко данная тенденция проявляется в прямой соотнесенности фитонимов с христианской системой святых. Значительное количество растений получает наименования по именам Богородицы, Иисуса Христа и христианских святых. Например, в «Словаре народных названий Урала» Н.И. Коновалова фиксируется фитоним *Богородичник*, употребляемый в лечеб-

но-обрядовом контексте: «раньше, когда больной был, богородичником окуривали или в комнате вешали пучок богородичника – больному легче станет; ещё делали подушку на сон и в квас добавляли» [12, с. 37]. В данном случае номинация Богородичник мотивирована лексемой-обоснованием *Богородица*, которая задаёт положительную оценку и включает растение в религиозный ценностный код [13, с. 53].

К этой же подгруппе относятся и фитонимы, непосредственно связанные с богородичным культом и легендами: *богородичина трава*, *богородица*, *богородичина*, *слёзы Божьей Матери* [14, с. 157]. В народной интерпретации они соотносятся с растением *зверобой продырявленный* (*Hypericum perforatum*), причём «красные пятна» на листьях объясняются как след сакрального события (кровь / слёзы Богородицы) [там же].

Образ апостола Петра также широко представлен в фитонимии: в легендарной мотивации *цикорий* (*Cichorium intybus*) получает название *Петров батог*, где *батог* трактуется как «посох, пастуший жезл» [14, с. 231]. Наряду с ним фиксируются и варианты номинации, отражающие общую модель «святой → атрибут / действие → растение»: *Петров батог*, *Петровы розги*, *Петров кнут* [там же].

Фитонимы, связанные с «нечистой силой».

Наряду с доминирующей христианской картиной мира в русской народной фитонимии сохраняются реликты дохристианских верований и представлений о «нечистой силе», что формирует бинарную когнитивную модель «святое – демоническое». Косвенно к этой подгруппе относятся названия, внутренняя форма которых указывает на связь растения с нечистой силой через компоненты *чёрт*, *дьявол*, *ведьма* и др.; в таких номинациях актуализируются признаки «вредное», «ядовитое», «используемое в колдовских практиках» [15, с. 39].

Так, фитоним *Чертovo зелье* маркирует опасные свойства растения и одновременно выражает отрицательную оценку: «знающий человек его обойдёт, а не знающий нюхнёт – умрёт, оно у навозной кучи растёт – там чёртovo зелье» [12, с. 208]. Негативная оценочность здесь задаётся лексемой-мотиватором *чёрт*, которая в словарной дефиниции относится к сфере религиозных и народных представлений о злой сверхъестественной силе [13, с. 884] и соотносится, по Е.М. Мелетинскому, с соответствующим мифологическим контекстом [16, с. 595].

Нарративные фитонимы.

Кроме того, русские народные фитонимы нередко опираются на развернутые религиозные и фольклорные нарративы, которые служат основанием для интерпретации внутренней формы названия. Так, связь растения с сакральной сферой может быть указана через легенду или устойчивый контекст употребления. В словаре Н.И. Коновалова фиксируется фитоним *Плакун-трава*, который объясняется через магико-обрядовую функцию: «говорят, от неё нечистая сила плачет; всякую болезнь, наговорённую колдуном, лечит; и клад открыть поможет» [12, с. 158]. В мифологической традиции этот образ дополнительно интерпретируется как «трава, выросшая из слёз Богородицы во время страстей Христовых» [16, с. 435], что усиливает сакральную оценку и ритуальный потенциал растения.

Легендарная мотивация может объяснять и происхождение растения как след «сакрального события». Так, в народном христианском воображении *ландыш* (*Convallaria majalis*) осмысливается как «воплощение слёз Богородицы», что фиксируется в образной номинации *горючие слёзы Богородицы* [17]. В сюжетах, связанных с апостолом Петром, встречается мотив «упавших ключей», из которых «выросло растение»: в частности, *первоцвет* (*Primula veris*) получает наименования *цветы Святого Петра*, *ключики Петра*, где номинация напрямую опирается на легенду о «небесных ключах» [18].

Сопоставительный анализ показывает, что в китайской медицинской традиции религиозно-культурная сопутствующая семантика преимущественно кодируется посредством систематизированных метафорических моделей, тогда как в русской народной традиции преобладает прямолинейная, нарративная модель номинации. В выражении сакральности китайская традиция ориентируется на философские категории, тогда как русская – на конкретных религиозных персонажей и события. В когнитивном плане первая отражает целостное мышление типа «天人合一» (*tiān rén hé yī*, букв. «единство человека и природы»), тогда как вторая демонстрирует структуру относительного разделения и взаимодействия «Бог – человек – природа».

Сопоставительный анализ названий растений в китайской медицинской классике и русской народной традиции выявил различные языковые пути и механизмы репрезентации религиозных представлений. Полученные результаты не только расширяют эмпирическую базу теории языковой картины мира в межкультурном аспекте,

но и создают более точную интерпретационную основу для внешней коммуникации традиционной китайской медицины и русской народной культуры.

Список источников

1. 尚志钧校注. 神农本草经校注. 北京: 学苑出版社, 2008. 596页. (*Шан Чжицзюнь*. Классика фармакологии Шэньнуна/ коммент. и сверка текста. Шэньнун бэньцао цзин цзяочжу. Пекин: Сюэюань чубаньшэ, 2008. 596 с.)
2. 李时珍. 本草纲目. 北京, 1999. 398页 (*Ли Ши-чжэнь*. Компендиум лекарственных веществ. Пекин: Пекин, 1999. 398 с.).
3. 李春兰. 中草药命名及文化内涵研究. 河北, 2012. 70页 (*Ли Чуньлань*. Исследование наименований китайских лекарственных растений и их культурного значения. Шаньси: Хэбэйский университет, 2012. 70 с.)
4. Бурмистрова Т.Н. Лингвокультурологическая интерпретация сакральных фитонимов с прозрачной внутренней формой // Вестник Уральского государственного университета. Серия: Филология. Екатеринбург. 2010. С. 39–45.
5. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
6. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: Изд-во МГУ, 2004. 232 с.
7. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 256 с.
9. 盖建民. 道教与中医关系研究的学术史及其研究现状 // 世界宗教文化, 2020, 第5期, 22–28页. (*Гай Цзяньминь*. Академическая история и современное состояние исследований взаимосвязи даосизма и традиционной китайской медицины // Культура мировых религий. Пекин, 2020. № 5. С. 22–28.)
10. 阮智富, 郭忠新编著. 《现代汉语大词典》. 上海: 上海辞书出版社, 2009年12月. 1700页. (*Жу-ань Чжифу, Го Чжунсинь* (ред.). Современный китайский словарь. Шанхай: Шанхайское издательство словарей, 2009. 3309 с.)
11. 邓来送. 论佛教医药对中医药的影响. 湖北: 《时珍国医国药》杂志社. 2009. (*Дэн Лайсун*. О влиянии буддийской медицины на традиционную китайскую медицину. Хубэй: Издательство «Шицжэньская китайская медицина и фармакология». 2009.) URL: <https://www.fjdh.cn/wumin/2009/04/16595761962.html> (дата обращения: 18.01.2026).

12. Коновалова Н.И. Словарь народных растений Урала. Екатеринбург: Межотраслевой регион. Центр, 2000. 233 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Шведовой. М.: Русский язык, 1991. 944 с.
14. Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.
15. Гридина Т. А., Коновалова, Н. И. Модели фитонимической номинации в мотивационном аспекте / Т.А. Гридина, Н. И. Коновалова и др. // Лексикология. Лексикография. Диалектная лингвогеография. Екатеринбург, 2001. С. 39–49.
16. Мелетинский Е.М. Мифологический словарь / под. ред. Е.М. Мелетинского. М.: Совет. энцикл. 1990. 672 с.
17. Лысковский М.В. Цветочное кружево. Легенды о цветах. М.: Печатная свобода, 2013. 319 с. С. 14.
18. Кузнецова М.А., Резникова А.С. Сказания о лекарственных растениях. М.: Высш. шк., 1992. 272 с. С. 190–191.

References

1. Shang Zhijun, annotated. *Shennong's Classic of Materia Medica: Annotated Edition*. Beijing, Xueyuan Publishing House, 2008. 596 p. (*In Chin.*)
2. Li Shizhen. *Compendium of Materia Medica*. Beijing, 1999. 398 p. (*In Chin.*)
3. Li Chunlan. *Research on the Naming and Cultural Connotations of Medicinal Plants*. Hebei, Hebei University, 2012. 70 p. (*In Chin.*)
4. Burmistrova T.N. Linguocultural Interpretation of Sacred Phytonyms with Transparent Internal Forms. *Vestnik of Ural State University. Series: Philology*. Yekaterinburg, 2010. Vol. 12. No. 3. P. 39–45. (*In Russ.*)
5. Humboldt, Wilhelm von. *Selected Works on Linguistics: Translated from German*, General Ed. G.V. Ramishvili; Postscript by A.V. Guliga and V.A. Zvegintsev. Moscow, ОАО ИГ «Progress», 2000. 400 p. (*In Russ.*)
6. Weisgerber Johann L. *Native Language and Formation of Spirit*. Moscow, MGU Press, 2004. 232 p. (*In Russ.*)
7. Apreyan, Yuri D. *Language Picture of the World and Systemic Lexicography*. Moscow, Languages of Slavic Cultures, 2006. 912 p. (*In Russ.*)
8. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980. 256 p.
9. Gai Jianmin. Academic History and Current State of Research on the Relationship Between Daoism and Traditional Chinese Medicine. *World Religion Culture*. Beijing, 2020. No. 5. P. 22–28. (*In Russ.*)
10. Ruan Zhifu, Guo Zhongxin (eds.). *Modern Chinese Dictionary*. Shanghai, Shanghai Lexicographical Publishing House, 2009. 3309 p. (*In Chin.*)
11. Deng Laisong. On the Influence of Buddhist Medicine on Traditional Chinese Medicine. In: *Shizhen*

- Chinese Medicine and Pharmacology*. Available at: <https://www.fjdh.cn/wumin/2009/04/16595761962.html> (accessed: January 18. 2026). (*In Chin.*).
12. Konovalova N.I. *Dictionary of Folk Plants of the Urals*. Yekaterinburg, 2000. 233 p. (*In Russ.*).
 13. Ozhogov S.I. *Dictionary of the Russian Language* / edited by Shvedova. Moscow, 1991. 944 p. (*In Russ.*).
 14. Kolossova V.B. *Lexicon and Symbolism of Slavic Folk Botany*. Ethnolinguistic Aspect. Moscow, Indrik, 2009. 352 p. (*In Russ.*).
 15. Gridina T.A., Konovalova N.I. *Phytolinguistic Nomination Models in Motivational Aspect* / T.A. Gridina, N.I. Konovalova et al. In: *Lexicology. Lexicography. Dialectal Linguogeography*. Yekaterinburg, 2001. P. 39–49. (*In Russ.*).
 16. Meletinsky E.M. *Mythological Dictionary*. Ed. by E.M. Meletinsky. Moscow, 1990. 672 p. (*In Russ.*).
 17. Lyskowski M.V. *Flower Lace. Legends About Flowers*. Moscow: Pechatnaya Svoboda, 2013. 319 p. P. 14. (*In Russ.*).
 18. Kuznetsova M.A., Reznikova A.S. *Legends About Medicinal Plants*. Moscow: Higher School, 1992. 272 p. P. 190–191. (*In Russ.*).

Шифр специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Информация об авторе

Ф. Вэнь – аспирант кафедры общего языкознания. 117485, Москва, Академика Волгина, д. 6.

Information about the author

F. Wen – Ph.D. student at the Department of General Linguistics. 6, Akademika Volgina Street, Moscow, 117485.

Статья поступила в редакцию 15.02.2026; одобрена после рецензирования 3.03.2026; принята к публикации 22.03.2026.

The article was submitted 15.02.2026; approved after reviewing 3.03.2026; accepted for publication 22.03.2026.